

Р. Ю. Почекаев

**СУДЬБА ЭКСПЕДИЦИИ И. Г. ГЕРБЕРА В КОНТЕКСТЕ
РОССИЙСКО-КАЗАХСКИХ ОТНОШЕНИЙ НАЧАЛА 1730-х гг.***

doi: 10.30759/1728-9718-2019-3(64)-24-30

УДК 94(470+574)“1730”

ББК 63.3(2)+63.3(2КАЗ-8)

В статье анализируются отношения Российской империи с казахами в начале 1730-х гг. — на первом этапе вхождения Младшего жуза в состав России. Этот период характеризуется неопределенностью отношений между имперскими властями и казахскими вассалами, отсутствием целенаправленной политики России в Казахской степи. Одним из последствий подобного подхода стало нападение казахов в начале 1732 г. на экспедицию российского полковника И. Г. Гербера, направлявшегося с дипломатической миссией в Хиву и Бухару. Сначала казахские правители представляли это событие как результат действий своих непокорных подданных, но позднее приняли на себя ответственность за нападение. По мнению автора, этот эпизод стал одной из причин активизации имперской политики в Казахстане и учреждения Оренбургской экспедиции, руководство которой получило широкие полномочия по взаимодействию с казахами. Постепенная интеграция казахов в политико-правовое пространство Российской империи осуществлялась посредством фронтальной модернизации, со временем приведшей к радикальным изменениям в политическом, правовом и социальном устройстве казахского общества.

Ключевые слова: *Российская империя, Казахстан, международные отношения в Центральной Азии, фронтальная модернизация, сюзеренитет, вассалитет*

В 1731 г. Абулхаир, хан казахского Младшего жуза (прав. 1715–1747), принес присягу на верность императрице Анне Иоанновне (прав. 1730–1740), признав себя вассалом Российской империи. Следующий этап российско-казахских отношений, подробно изучаемый исследователями, — организация в 1734 г. Оренбургской экспедиции. События же 1731–1734 гг. чаще всего остаются за пределами их внимания, исключая некоторые работы, посвященные отдельным государственным деятелям (А. И. Тевкелеву, хану Абулхаиру и др.). Между тем, как нам представляется, в событиях этого периода следует искать причины принятия решения об организации Оренбургской экспедиции и активизации имперской политики в Казахстане, реализовавшейся в формате фронтальной модернизации.

Проанализируем малоизученный эпизод, относящийся к данному этапу, — нападение казахов Младшего жуза на экспедицию российского полковника И. Г. Гербера и его отражение в последующей дипломатической документации. До сих пор эти события лишь

упоминались исследователями преимущественно в контексте отношений России со Средней Азией, поскольку экспедиция направлялась с дипломатическими целями в Хиву и Бухару. Однако они не менее связаны с российско-казахскими отношениями, являя собой пример неэффективности политики Российской империи по отношению к казахам непосредственно после принесения ими присяги в 1731 г.

То, что казахи стали именно вассалами России (хотя в официальной документации использовался термин «подданство»), подтверждается действиями имперских властей, которые стали практиковать политику невмешательства и довольствовались формальным признанием казахскими ханами и султанами зависимости от российского монарха, сохранив традиционные для степи институты и принципы власти, управления и правового регулирования. Имперские власти также полагали, что хан Абулхаир, стремившийся при российском покровительстве укрепить свою власть, сделав ее наследственной, будет искренне верен России и станет проводником ее интересов в Центральной Азии.¹

Однако, как вскоре выяснилось, казахские правители понимали вассалитет совершенно

*Почекаев Роман Юлианович — к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)
E-mail: rpochekaev@hse.ru*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-18-00162 «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.» (рук. Д. В. Васильев)

¹ См.: Васильев Д. В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII — первая половина XIX века. М., 2014. С. 61, 62.

не так, как имперские власти, и рассматривали себя скорее как союзников России, чем как ее вассалов. В случаях же, когда не было непосредственной необходимости в поддержке со стороны империи, к ее подданным они относились так же, как и к представителям других иностранных народов и государств, фактически нарушая только что принесенную присягу.² Это весьма ярко проявилось при нападении на российскую дипломатическую миссию в марте 1732 г.

Отправка миссии стала ответом на прибытие в Россию в 1729 г. купца Ядигера Алимова — посла бухарского хана Абулфайза (прав. 1711–1747) и хивинского хана Ильбарса II (прав. 1728–1740). 22 июня 1731 г. императрица Анна Иоанновна вручила послу грамоты к ханам и отправила вместе с ним ответную российскую дипломатическую миссию, руководство которой было возложено на полковника И. Г. Гербера.³

Иоганн Густав Гербер⁴ (ок. 1690–1734) был уроженцем Бранденбурга и являлся потомственным военным на службе у саксонских курфюрстов. Как лейтенант саксонской армии он с 1706 г. участвовал в Северной войне, а с января 1710 г. поступил на русскую службу в чине поручика, вскоре зарекомендовав себя знатоком артиллерийского дела. В 1722 г., уже в чине майора, он доставил из Москвы в Астрахань артиллерию для Персидского похода Петра I, в котором также принял участие. После похода остался служить на Кавказе, где приобрел и дипломатический опыт: в 1727 г. он участвовал в подписании русско-турецкого договора о разграничении владений в прикаспийских областях Кавказа.⁵

Во время службы на Кавказе проявилась склонность И. Гербера к научным исследованиям. По итогам поездок по западному побережью Каспийского моря он составил несколько карт, опубликованных в 1729 и 1736 гг. Российской Академией наук. Также он подготовил ряд работ о государствах и народах Кав-

каза, из которых наибольшей известностью пользуется «Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и их состоянии в 1728 г.»⁶, впервые опубликованное академиком Г. Ф. Миллером в 1760 г. и до сих пор остающееся единственным изданным сочинением И. Гербера. Исследователи отмечают четкость и обстоятельность изложения материалов, ценность их сведений для изучения истории региона. Однако и в своих работах И. Гербер выступал прежде всего как военный и дипломат, поэтому уделял больше внимания таким вопросам, как система управления государств и народов Кавказа, их отношения с соседями, состояние армии и пр., включив довольно мало сведений по географии и природе региона (допустив к тому же при их описании ряд ошибок).⁷ Опираясь при написании трудов преимущественно на собственные наблюдения, он демонстрировал знание и других научных трудов, начиная с трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей». Материалы И. Гербера использовались видными учеными XVIII в. — академиками Г. Ф. Миллером и Г. Байером.⁸

По возвращении с Кавказа в Санкт-Петербург в 1729 г. И. Г. Гербер был произведен в полковники и назначен членом Главной канцелярии артиллерии и фортификации. Уже после экспедиции в Бухару и Хиву в 1732 г. он подготовил записку (в духе «умеренного меркантилизма») о рациональной эксплуатации прикаспийских территорий, оставшихся под властью Российской империи по условиям Рештского мира с Персией.⁹ В мае 1733 г. президент Военной коллегии Б. К. Миних приказал Главной канцелярии артиллерии и фортификации собрать чертежи всех принятых на вооружение пушек, гаубиц и мортир и издать их отдельной книгой, составление которой было возложено на И. Гербера.¹⁰

² См. об этом подробнее: Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата, 1948. С. 241; Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 138, 139.

³ См.: Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 67–69.

⁴ В разных источниках фигурирует как Gärber, Gaerber, Herber, а в российской исследовательской литературе — как Гербер, Гарбер, Гарберг и даже (ошибочно) Герценберг, см.: Жуковский С. В. Указ. соч. С. 69.

⁵ См.: Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960. С. 231; Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935. С. 111.

⁶ См.: Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979; Иманлы А. А.-о. Путевые заметки Джона Белла и Иоганна Гербера как источники по изучению истории Азербайджана // Современная научная мысль. 2016. № 1. С. 5–12.

⁷ См.: Греков В. И. Указ. соч. С. 232, 272.

⁸ См.: Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 12; Греков В. И. Указ. соч. С. 324; Полиевктов М. А. Указ. соч. С. 112, 113.

⁹ См.: Полиевктов М. А. Указ. соч. С. 111.

¹⁰ См.: Маковская Л. К. Графические материалы в документальном фонде Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Формирование коллекции) // Бранденбургские чтения. СПб., 2007. Вып. 2: Письменные памятники в музейных собраниях. С. 27.

В 1734 г., во время подготовки России к войне с Турцией, ему была поручена доставка к Азову осадной артиллерии, которой он же должен был командовать, но вскоре заболел и 5 октября 1734 г. скоропостижно скончался в Новопавловске-на-Дону.

Итак, выбор И. Г. Гербера в качестве руководителя дипломатической миссии в Хиву и Бухару был не случаен: имперские власти видели в нем не только дипломата, но и разведчика и ученого-исследователя, способного собрать подробные и разнообразные сведения о Центральной Азии, все еще остававшейся для России малоизвестным регионом. Во время экспедиции И. Гербер вел подробный дневник, описывая пройденный путь, достопримечательности, дороги и пр. Исследователь П. Н. Петров, обнаруживший дневник И. Гербера, отметил, что именно он первым описал развалины золотоордынских городов Сарай на Волге (у села Селитренное) и Сарайчик на Урале.¹¹ Немалую помощь в исследованиях мог ему оказать А. И. Тевкелев — российский дипломат, благодаря усилиям которого, собственно, и произошло вхождение казахов Младшего жуза в состав Российской империи: 2 декабря 1731 г. Анна Иоанновна издала указ, предписывавший ему встретить экспедицию И. Гербера и присоединиться к ней.¹² Однако последовавшие вскоре события сделали указ неактуальным, а самого И. Г. Гербера вынудили прервать свою миссию. О том, что произошло в феврале — марте 1732 г., нам известно из сообщений А. И. Тевкелева, а также из писем хана Абулхаира.

В донесении в Коллегию иностранных дел от 20 июня 1732 г. А. И. Тевкелев, ссылаясь на сведения казахского султана Абагая, сообщил, что караван И. Г. Гербера подвергся нападению и разграблению со стороны казахов под

командованием «старшины» Бахтыбая, который участвовал в походе на туркмен под командованием султана Батыра, однако, узнав о российском караване, собрал до 150 всадников и напал на экспедицию. 12 дней И. Герберу удавалось сдерживать казахов, фактически взявших караван в осаду. Однако когда вернувшийся из похода султан Батыр сообщил о самоуправстве Бахтыбая другим казахским правителям, к нападавшим присоединилось большое число их воинов, и положение российской экспедиции стало плачевным. Наконец к месту столкновения прибыли султан Батыр и «один доброжелательный старшина Тягриберди», выступившие посредниками между осажденными и нападавшими. Как утверждал Батыр-султан, ему удалось договориться, чтобы Бахтыбай и его сообщники удовлетворились половиной имущества каравана — 250 верблюдами с грузом, а сам И. Г. Гербер со спутниками и второй половиной имущества должен был повернуть назад. Сам же султан Батыр, отмечал А. И. Тевкелев, «многократно просил меня со слезами, чтоб я отписал об нем в Гос[ударственную]. колл[егию]. ин[остранных]. дел ево оправдать, понеже, хотя зделали такую пакость кайсаки, а злое слово осталось на него».¹³

Последующие сообщения А. И. Тевкелева дают основания полагать, что казахи, напавшие на караван И. Гербера, не удовлетворились половиной его имущества, а разграбили его и захватили в плен многих участников миссии. В журнале, который И. Г. Гербер вел во время пребывания в Младшем жузе (1731–1733), он сообщает о мерах, принимавшихся им для ликвидации последствий нападения на экспедицию. Так, 22 июня 1732 г. ему пришлось выкупить у казаха по имени Куват члена миссии «армянина Бабая», отдав за него по 4 аршина красного и зеленого сукна и черную лисицу общей стоимостью 25 руб. 15 августа А. И. Тевкелев получил письмо от другого члена миссии — капитана Дубровина, просившего написать властям о присылке денег для его выкупа.¹⁴

Как видим, казахи, напавшие на караван, не только не скрывали своих действий, но и, напротив, открыто «торговали» своими пленниками

¹¹ П. Н. Петров сообщил об обнаруженном им дневнике И. Г. Гербера на заседании отделения этнографии Императорского Русского географического общества 23 октября 1869 г., кратко изложив содержание первой части дневника, с 4 февраля по 9 марта, причем последние записи касались уже непосредственно нападения казахов на караван. Руководство Общества с большим интересом отнеслось к сообщению П. Н. Петрова, рекомендовав ему завершить изучение дневника И. Гербера и опубликовать результаты исследования в очередном выпуске Известий ИРГО. Два члена общества, В. И. Любич-Романович и Г. В. Мельгунов, выразили намерение перевести и опубликовать текст дневника, см.: Григорьев В. О путешествии Гарбера в Хиву в 1732 г. // Изв. Имп. Рус. геогр. о-ва. 1870. Т. 6, отд. 1. С. 46–48. Однако, насколько нам известно, ни статья П. Н. Петрова, ни перевод дневника так и не были опубликованы.

¹² См.: Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: (сб. документов и материалов). Алма-Ата, 1961. № 37. С. 88, 89.

¹³ Там же. С. 89; Лебедев В. Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. // Красный архив. 1936. № 5 (78). С. 205, 206.

¹⁴ См.: Ерофеева И. В. Рыцарь звания чести. Казахский батыр Бокенбай Карабатырулы. Алматы, 2017. С. 231; История Казахстана в русских источниках. Алматы, 2005. Т. 3: Журналы и служебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.). С. 116, 119.

с представителями имперских властей, тем самым не делая различия между захваченными в плен российскими подданными и представителями других стран и народов! Подобные действия красноречиво подтверждали ранее высказанные сомнения А. И. Тевкелева в лояльности казахских вассалов.¹⁵

В 1732–1734 гг. имперские власти неоднократно требовали от казахов вернуть захваченных членов миссии И. Г. Гербера и разграбленное имущество, однако убедились в том, что казахи не рассматривали свои действия как нарушение вассальных обязанностей и причинение вреда сюзерену.¹⁶ Весьма показательной в контексте российско-казахской переписки выглядит позиция хана Абулхаира. Сначала в письмах императрице Анне он всеми способами дистанцировался от действий нападавших на караван, которых называл «глупыми киргиз-касаками», и ссылался на то, что не имел достаточного влияния, чтобы удержать их.¹⁷ Однако позднее в письме А. И. Тевкелеву им упоминается «Мухамет-Багатырь-хан, которой розбил полковника Гербера», т. е. виновником нападения он выставляет вышеупомянутого султана Батыра.¹⁸

Подобная позиция выглядит вполне объяснимой, если принять во внимание амбиции хана Абулхаира и роль, которую он сам отводил себе в отношениях с Россией, позиционируя себя как партнера империи по политике в Центральной Азии, как посредника в отношениях с народами и государствами региона. В переписке с имперскими властями хан постоянно сообщал о своих усилиях по приведению в российское подданство казахов Старшего жуза, Бухарского и Хивинского ханств, каракалпаков и др. В декабре 1731 г. его старший сын Нурали-султан ездил в Хиву для обсуждения вопроса о вступлении ханства в российское подданство. Однако хан Ильбарс и местная знать не только негативно отнеслись к его предложениям, но и осудили вступление казахов Младшего жуза в состав Российской империи.¹⁹ Рассерженный неудачей,

Абулхаир весной следующего года отправил Нурали в Аральское владение — часть Хивинского ханства, признававшую власть враждебного Хиве хана Шах-Тимура (1720–1736).²⁰

Как раз в это время в Казахской степи появилась русская дипломатическая миссия под руководством И. Г. Гербера, в задачи которой формально входило обсуждение торговых отношений с Бухарой и Хивой, а тайной целью было как раз изучение возможностей принять ханства в российское подданство. Естественно, Абулхаир воспринял действия России на этом направлении как посягательство на собственные прерогативы.

Нет прямых указаний на то, что Абулхаир выступил инициатором нападения на караван И. Гербера, хотя его разгром и отвечал его интересам. Но совершенно точно, что он не предпринял никаких мер для пресечения враждебных действий казахов, которыми фактически (как признал сам хан в своем письме) руководил Батыр-султан, у которого и самого были причины не желать вступления Хивы в российское подданство: в 1728 г. он недолго пребывал на хивинском престоле и не оставил надежды занять его вновь.

Нападение казахов на экспедицию И. Гербера и их нежелание признать свои действия нарушением вассальных обязательств заставили власти Российской империи отказаться от безусловного доверия к вассалам и задуматься об изменении политики в Степи, о принятии более эффективных мер для защиты своих интересов и своих подданных. Однако для их реализации недостаточно было воли имперского центра и деятельности отдельных российских дипломатических представителей — требовался полномочный административный институт, способный контролировать действия казахов и принимать оперативные решения в случае новых нарушений. Таким «ответом» стала созданная в 1734 г. Оренбургская экспедиция, в 1737 г. преобразованная в Оренбургскую пограничную комиссию, а в 1744 г. — в Оренбургскую губернию.²¹

¹⁵ См.: Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington, 2002. P. 153–156.

¹⁶ См.: Басин В. Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII века // *Казахстан в XV–XVIII веках (вопросы социально-политической истории)*. Алма-Ата, 1969. С. 96.

¹⁷ См.: Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов: сб. ист. документов: в 2 т. Алматы, 2014. Т. 1: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. № 33. С. 114.

¹⁸ Там же. № 35. С. 116.

¹⁹ Даже среди самих казахов было немало противников признания Абулхаиром российского сюзеренитета и последу-

ющих его действий по усилению своей личной власти, см.: Аполлова Н. Г. Указ. соч. С. 224; Bodger A. *Abulkhair, Khan of the Kazakh Little Horde, and His Oath of Allegiance to Russia of October 1731* // *The Slavonic and East European Review*. 1980. Vol. 58, № 1. P. 51, 52.

²⁰ См.: Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. № 37. С. 89.

²¹ См.: Зубков К. И., Побережников И. В. Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург, 2003. С. 25.

Исследователи справедливо отмечают широкие полномочия начальников Оренбуржья, в том числе право применения военной силы.²² Последнее было особенно актуальным из-за враждебного отношения со стороны казахов, видевших неспособность России защитить своих подданных не только в Степи, но и на собственном пограничье. Нехватку регулярных войск в регионе были призваны возместить казачьи подразделения, впоследствии составившие Оренбургское, Уральское и другие казачьи войска.²³

Сначала казахские правители, в том числе и Абулхаир, не увидели принципиальных изменений в российской политике. Хан Младшего жуза продолжал «рапортовать» императрице о своих успехах (чаще, правда, мнимых) в деле приведения в российское подданство казахов Старшего жуза, каракалпаков, Аральского владения и пр.²⁴ Однако имперские власти стали принимать последовательные меры для закрепления за казахами статуса именно вассалов, а не партнеров и союзников. Начиная с 1734 г. казахским ханам и султанам было предписано по всем вопросам сноситься с оренбургскими начальниками, а не с императрицей. Если же казахские делегации все же добирались до столицы империи, их принимала уже не сама Анна Иоанновна, а вице-канцлер А. И. Остерман, что также отражало вассальный статус казахов в глазах имперских властей.²⁵

Судьба экспедиции И. Г. Гербера, конечно же, не была единственной причиной изменения позиции российских властей по отношению к казахам: в 1730-е гг. они совершили достаточно иных «прегрешений», в результате чего Абулхаир в 1738 г. даже заново принес

присягу на верность Анне Иоанновне, тем самым как бы «обнулив» свое прежнее нелояльное поведение. Тем не менее, враждебные действия казахов против российской дипломатической миссии и в особенности последующее отношение казахских правителей к своим действиям заставили имперские власти отказаться от политики невмешательства и принять меры для защиты своих интересов в Центральной Азии. Создание Оренбургской экспедиции, с одной стороны, решало проблему оперативного регулирования российско-казахских отношений и контроля действий казахских вассалов, с другой — позволило самим представителям казахской элиты постоянно и более тесно взаимодействовать с имперскими властями, постепенно приобщаясь к имперским принципам управления и правового регулирования. Используя свои широкие возможности, начальники Оренбуржья инициировали политику последовательной интеграции казахской элиты в политико-правовое пространство Российской империи, выстраивания четкой «вертикали власти» и стимулирования заинтересованности в лояльности сюзерену путем выплаты жалованья и пр. Параллельно имперские власти принимали меры по постепенному изменению системы власти, управления и правового регулирования в казахском обществе, которую они поначалу намеревались сохранять в полном объеме. Все это позволяет говорить о зачатках процесса фронтальной модернизации, пик которого в Казахстане пришелся на конец XVIII — середину XIX вв. В дальнейшем же свое дело сделал тот самый «освоенческий синдром», который был характерен для фронтальной политики России.²⁶

²² См.: Зубков К. И. Роль геополитического фактора в генезисе моделей регионального управления на востоке России (XVI–XX вв.) // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII — начало XXI века): сб. ст. Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Оренбург, 2012. С. 438; Побережников И. В. Административный фактор в контексте фронтальной модернизации Урала XVIII–XIX вв. // Там же. С. 19.

²³ См.: Побережников И. В. Периферийная модернизация в Российской империи: региональные варианты // Цивилизация. М., 2015. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века. С. 185.

²⁴ См. также: Аполлова Н. Г. Указ. соч. С. 240; Басин В. Я. Указ. соч. С. 99.

²⁵ См.: Ремнев А., Сухих О. Казахские депутации в сценариях власти: от дипломатических миссий к имперским презентациям // Мусульмане в новой имперской истории. М., 2017. С. 261, 262.

²⁶ См.: Побережников И. В. Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Урал. ист. вестн. 2018. № 4 (61). С. 73.

Roman Yu. Pochekaev

Candidate of Juridical Sciences, National Research University “Higher School of Economics”
(Russia, Saint Petersburg)
E-mail: rpochekaev@hse.ru

THE FATE OF J. G. GAERBER’S EXPEDITION WITHIN THE CONTEXT
OF RUSSIAN-KAZAKH RELATIONS OF THE EARLY 1730s

The article analyzes the relations of the Russian Empire and Kazakhs in the early 1730s, i.e. at the initial stage of joining of the Kazakh Little Horde to Russia. This period is characterized by uncertainty in the relations of Russia and Kazakh vassals and the absence of purposeful Russia’s policy in the Steppe. One of consequences of such approach was an assault of Kazakhs at the beginning of 1732 on the diplomatic mission of Russian Colonel J. G. Gaerber on the way to Khiva and Bukhara. At first, the Kazakh rulers assigned the blame for the assault to their unruly subjects, but then made themselves responsible for it. The author supposes that this episode was one of the reasons for the intensification of the imperial policy in Kazakhstan and resulted in the establishment of Orenburg Expedition that received broad powers to interact with the Kazakhs. Gradual integration of Kazakhs into the political and legal area of the Russian Empire was realized within the process of frontier modernization, which led to substantial changes in political and social system of Kazakh society.

Keywords: *Russian Empire, Kazakhstan, international relation in the Central Asia, frontier modernization, suzerainty, vassalage*

REFERENCES

- Apollova N. G. *Prisoedineniye Kazakhstana k Rossii v 30-kh godakh XVIII veka* [Joining of Kazakhstan to Russia in the 30s of the 18th century]. Alma-Ata: AN KazSSR Publ., 1948, 252 p. (in Russ.).
- Basin V. Ya. [Kazakhstan in the system of foreign policy of Russia in the first half of the 18th century]. *Kazakhstan v XV–XVIII vekakh (voprosy sotsial’no-politicheskoy istorii)* [Kazakhstan in the 15th–18th centuries (Problems of social-political history)]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1969, pp. 50–145. (in Russ.).
- Bodger A. Abulkhair, Khan of the Kazakh Little Horde, and His Oath of Allegiance to Russia of October 1731. *The Slavonic and East European Review*, 1980, vol. 58, no. 1, pp. 40–57. (in English).
- Erofeyeva I. V. *Rytsar’ zvaniya chesti. Kazakhskiy batyr Bokenbay Karabatyruly* [The knight of honor rank. Kazakh batyr Bokenbay Karabatyruly]. Almaty: Service Press, 2017, 325 p. (in Russ.).
- Gadzhiev V. G. Sochinenie I. Gerbera “Opisanie stran i narodov mezhdu Astrakhan’yu I rekoyu Kuroy nakhodyaschikhsy” kak istoricheskiy istochnik po istorii narodov Kavkaza [Composing I. Gerber “Description of the countries and peoples between Astrakhan and the river Kura are” as a historical source for the history of the peoples of the Caucasus]. Moscow: Nauka Publ., 1979, 271 p. (in Russ.).
- Grekov V. I. *Ocherki iz istorii russkikh geograficheskikh issledovaniy v 1725–1765 gg.* [Essays on history of Russian geographical studies in 1725–1765]. Moscow: AN SSSR Publ., 1960, 426 p. (in Russ.).
- Imanly A. A.-o. [Travel notes of John Bell and Johann Gerber as the source for the study of the history of Azerbaijan]. *Sovremenaya nauchnaya mysl’* [Modern scientific thought], 2016, no. 1, pp. 5–12. (in Russ.).
- Kappeler A. *Rossiya — mnogonatsional’naya imperiya. Vozniknoveniye. Istoriya. Raspad* [Russia is a multiethnic Empire. Origin. History. Collapse]. Moscow: Traditsiya — Progress — Traditsiya Publ., 2000, 344 p. (in Russ.).
- Khodarkovsky M. *Russia’s Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2002, 290 p. (in English).
- Lebedev V. [On history of contacts of Kazakhs with tsarist Russia in the 18th century]. *Krasnyy arkhiv* [Red archive], 1936, no. 5 (78), pp. 186–225. (in Russ.).
- Makovskaya L. K. [Graphic materials in the documentary fund of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering troops and Communications troops (Formation of the collection)]. *Brandenburgovskiy chteniya* [Brandenburg readings]. Saint Petersburg: VIMAIViVS Publ., 2007, pp. 24–34. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Administrative factor within the context of frontier modernization of the Urals in the 18th–19th centuries]. *Regional’noye upravleniye i problema effektivnosti vlasti v Rossii (XVIII — nachalo XXI veka): Sbornik statey Vserossiyskoy nauch. konf. s mezhdunarod. uchastiyem* [Regional administration

and problem of effectiveness of power in Russia (18th — beginning of 21st century): Collected works of All-Russian conf. with Intern. participation. Orenburg, 2012, pp. 17–20. (in Russ.).

Poberezhnikov I. V. [Frontier modernization in the East of the Russian Empire: regional variations]. *Ural'skiy istoricheski vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 4 (61), pp. 72–80. (in Russ.).

Poberezhnikov I. V. [Peripheral modernization in the Russian Empire: regional variants]. *Tsivilizatsiya* [Civilization]. Moscow: Nauka Publ., 2015, vol. 10, pp. 179–200. (in Russ.).

Poliyevktov M. A. *Evropeyskiye puteshestvenniki XIII–XVIII vv. po Kavkazu* [European travelers of the 13th–18th centuries to Caucasus]. Tiflis: Nauchno-issledovatel'skiy institut kavkazovedeniya imeni akad. N. Ya. Marra Publ., 1935, 224 p. (in Russ.).

Remnev A., Sukhikh O. [Kazakh Deputations in the Scenarios of Power: From Diplomatic Missions toward Imperial Presentations]. *Musul'mane v novoy imperskoy istorii: Sbornik statey* [Moslems in the new imperial history: Collected works]. Moscow: Sadra Publ., 2017, pp. 256–295. (in Russ.).

Vasiliev D. V. *Rossiya i Kazakhskaya step': administrativnaya politika i status okrainy. XVIII — pervaya polovina XIX veka* [Russia and Kazakh Steppe: administrative policy and status of a remote area. 18th — first half of 19th century]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2014, 471 p. (in Russ.).

Zubkov K. I. [The role of geopolitical factor in the genesis of the regional administration models in the east of Russia (16th–20th centuries)]. *Regional'noye upravleniye i problema effektivnosti vlasti v Rossii (XVIII — nachalo XXI veka): Sbornik statey Vserossiyskoy nauch. konf. s mezhdunarod. uchastiyem* [Regional administration and problem of effectiveness of power in Russia (18th — beginning of 20th century): Collected works of All-Russian conf. with intern. participation]. Orenburg, 2012, pp. 435–439. (in Russ.).

Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V. *Reformy administrativno-territorial'nogo ustroystva vostochnykh regionov Rossii (XVIII–XX vv.)* [Reforms of administrative-territorial system of the Eastern regions of Russia (18th–20th centuries)]. Ekaterinburg: AMB Publ., 2003, 93 p. (in Russ.).